

О СУЩЕСТВѢ ЗАКОНОВЪ,

ТВОРЕНІЕ

МОНТЕСКЬЕ.

Перевелъ съ французскаго

Омѣтрій Нзыковъ,

Членъ С. Петербургскихъ обществъ:

Филантропическаго и любителей наукъ,

Словесности и Художествъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Издано Василій Сопиковъ.

МОСКВА,

1809 года.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ

ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

1. Для точнаго понятія чепырехъ первыхъ книгъ сего сочиненія, надобно замѣтить, что называемое мною *добродѣтельно* въ республикѣ, есть любовь къ опечеспву; то есть, любовь къ равенству. Она не есть добродѣтель нравственная, ни добродѣтель Христіанская, а добродѣтель *политическая*; и она-то составляетъ пружину, заставляющую двигаться республиканское правленіе, точно такъ, какъ *есть* составляетъ пружину, заставляющую двигаться монархію. Слѣдственно, я называлъ *политическою добродѣтельно* любовь къ опечеспву и къ равенству. У меня были новыя идеи; почему и принужденъ я былъ находить новыя слова, или давать старымъ новыя значенія. Тѣ, которые сего не поняли, заставили меня говорить такія гнусныя вещи, которыя произвели бы омерзѣніе во всѣхъ земляхъ, потому что во всѣхъ земляхъ требуютъ нравоученія.

2. Надобно замѣтить, что большая разница, естли я скажу, что нѣкоторое свойство, измѣненіе души, или добродѣтель, не составляетъ пружины, заставляющей дѣйствовать какое ни-

II

будѣ правленіе, и есѣли я скажу, что его нѣтъ въ этомъ правленіи. Есѣли бы я сказалъ, что такое - то колесо, такая - то шестерня, не составляютъ пружины, приводящей въ движеніе сіи часы, то не уже ли изъ того можно заключить, что ихъ нѣтъ въ часахъ? Добродѣтели нравственные и политическія не излючаются изъ монархіи, также точно, какъ и добродѣтель политическая. Словомъ сказать, честь находится въ республикѣ, хотя политическая добродѣтель составляетъ пружину оныя; политическая добродѣтель находится въ монархіи, хотя честь составляетъ пружину оныя.

Наконецъ, добродѣтельный человѣкъ, о которомъ говорится въ книгѣ III, главѣ V, не есть добродѣтельный человѣкъ Христіанскій, но добродѣтельный человѣкъ политическій, имѣющій политическую добродѣтель, о которой я говорилъ, то есть, человѣкъ, любящій законы своей земли, и дѣйствующій по любви къ законамъ своей земли. Я объяснилъ все это въ этомъ изданіи, утверждая еще болѣе идеи: и во многихъ мѣстахъ, гдѣ прежде употреблялъ я слово *добродѣтель*, теперь поставилъ: *политическая добродѣтель*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Естьли бы въ безчисленномъ множествѣ вещей, находящихся въ сей книгѣ, случилась такая, которая, сверхъ чаянія моего, могла бы оскорбить кого, то по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одной, которую написалъ бы я съ дурнымъ намѣреніемъ. Я отъ природы не склоненъ къ порицанію. Платонъ благодарилъ Провидѣніе, что онъ родился при Сократѣ; а я благодарю его за то, что оно произвело меня на свѣтъ въ правленіи, въ которомъ я живу, и за то, что оно хотѣло, чтобы я повиновался тѣмъ, которыхъ оно заставило меня любить.

Я прошу объ одной милости, въ которой боюсь, чтобы мнѣ не отказали, а именно, не судить по минушному чтенію о трудѣ двадцати-лѣтнемъ: надобно одобритъ, или осудитъ цѣлую книгу, а не нѣкоторыя слова. Естьли хотятъ узнать намѣреніе сочинителя, то не лзя его иначе узнать хорошо, какъ въ начертаніи сочиненія.

Я разсмотрѣлъ сначала людей, и мнѣ показалось, что въ этомъ безчисленномъ разнообразіи законовъ и нравовъ, они управляются не одними своими прихотями.

Я положилъ начала, и увидѣлъ, что частные случаи подходили подъ нихъ,

IV

какъ будто сами собою, что исторіи всѣхъ народовъ составляють только слѣдствія оныхъ, и что каждый частный законъ связанъ съ другимъ закономъ, или зависитъ отъ другаго болѣе общаго.

Обращаясь къ древности, я старался искасть духъ оныя, дабы случаи, дѣйствительно различные, не почтешъ подобными, и не пропустилъ различія тѣхъ, которые кажутся подобными.

Я не заимствовалъ своихъ началъ отъ своихъ предразсудковъ, но отъ свойства вещей.

Здѣсь многія истинны будутъ ощущительны не иначе, какъ осмодрѣвъ всю цѣпь, связующую ихъ съ другими. Чѣмъ болѣе будешь размышлять о подробностяхъ, тѣмъ болѣе почувствуешь прочность началъ. И сіи самыя обстоятельства не всѣ мною представлены; ибо кто можетъ высказать все безъ смертельной скуки.

Здѣсь не найдутъ тѣхъ острыхъ словъ, которыми, важешся, описываются нынѣшнія шворенія. Разсмотрѣ вещи внимательнѣе, остроша исчезаетъ; она обыкновенно рождается отъ того, что умъ кидается весь въ одну сторону, оставляя все прочее.

Я пишу не для того, чтобы хулить учрежденное въ какой бы то ни было землѣ. Каждый народъ найдетъ здѣсь причины своихъ правилъ; а изъ сего естественнымъ образомъ выйдетъ то слѣдствіе, что предлагать о перемѣнахъ могутъ только тѣ, которые родились такъ счастливо, что однимъ взоромъ генія проникаютъ всю конспиріацію державы.

Не лзя сказать, чтобы не было пользы въ просвѣщеніи народа. Предразсудки народоправителей начались бытъ предразсудками народа. Во время невѣжества, не имѣютъ ни малѣйшаго сомнѣнія ни въ чемъ, даже и тогда, когда производятъ величайшее зло; во время просвѣщенія, шрепещутъ еще и тогда, когда производятъ величайшее добро. Чувствуя старый вредъ, видятъ лекарство оиъ него; но видятъ также и вредъ самаго лекарства. Оставляютъ зло, если бояться худшаго; оставляютъ добро, если сомнѣваются въ лучшемъ. На часъ взираютъ для того только, чтобы судить о цѣломъ; разсматриваютъ всѣ причины, чтобы видѣть всѣ слѣдствія.

Если бы я могъ сдѣлать то, чтобы всѣ люди имѣли новыя причины любить свой долгъ, своего государя, свое ошече-

VI

ство, свои законы; чтобы могли лучше чувствовать свое блаженство въ каждой землѣ, въ каждомъ правленіи, въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ кто находишься; тогда я почелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Если бы я могъ сдѣлать то, чтобы повелители умножили свои познанія о томъ, что они должны предписывать, а повинующіеся находили новое удовольствіе въ повиновеніи, тогда я почелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Я почелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, если бы могъ сдѣлать, чтобы люди оставили свои предразсудки. Я называю здѣсь предразсудками не то, чтобы не знать нѣкоторыхъ вещей, но то, чтобы не знать самаго себя.

Стараясь о просвѣщеніи людей, можно только исполнять ту общую добродѣтель, которая заключаетъ въ себѣ любовь всѣхъ. Человѣкъ, это гибкое существо, принимая въ общества мысли и впечатлѣнія другихъ, равно способенъ познавать собственную свою природу, когда ему показываютъ, и терять даже чувствіе объ оной, если отъ него ее скрываютъ.

Нѣсколько разъ принимался я за это сочиненіе, и нѣсколько разъ бросалъ его;

нѣсколько разъ бросалъ я на вѣтеръ (а) листы, мною писанные; каждый день чувствовалъ, что опускались руки родительскія (б); я слѣдовалъ моей цѣли, не составляя начертанія; не зналъ ни правилъ, ни исключеній; опыскивалъ истинну для того только, чтобы потеряться: но нашедъ свои начала, увидѣвъ я, что все опыскиваемое мною пришло ко мнѣ; и въ печеніе двадцати лѣтъ, видѣвъ я, что сочиненіе мое началось, возраспало и кончилось.

Есѣли это сочиненіе получить успѣхъ, то за это много обязанъ я буду величію моего предмета: однакоже не думаю, чтобы я совсѣмъ не имѣлъ дарованія. Увидѣвъ написанное до меня столь многими великими людьми во Франціи, Англіи и Германіи, я пораженъ былъ удивленіемъ; но не потерялъ духа: *и я также живописецъ* (в), сказалъ я съ Корреджіемъ.

(а) Ludibria ventis.

(б) Bis patriæ cecidere manus.

(в) Ed io anchor son pittore.

К Р А Т К О Е И З В Ъ С Т І Е
о жизни Г. Монтескье.

Шарль де Секондашъ, баронъ Бредскій и Монтескье, старшій президентъ въ Мортье (*) въ парламентахъ Бурдосскомъ, членъ Французской академіи, королевской Прусской академіи наукъ и словесности, и королевскаго Лондонскаго ученаго общества, родился въ замкѣ Бредскомъ, близъ Бурдо, 18 Января 1689. Онъ происходилъ отъ одного благороднаго рода изъ Гіенны. Отецъ его, бывшій также президентомъ въ Мортье въ томъ же парламентахъ, имѣлъ многихъ дѣтей.

Шарль де Секондашъ, очень рано началъ показывать то, чѣмъ онъ долженъ быть, и отецъ его употребилъ всѣ средства къ образованію ума его. На двадцатомъ году, юный Монтескье приготовлялъ уже припасы для *Существа Законавъ*, дѣлая обстоятельныя выписки изъ многочисленныхъ книгъ, составляющихъ собраніе права гражданскаго. Но наука правовѣденія, столь сухая для многихъ, но не для Монтескье; потому что онъ

(*) *а Мортье*, такъ назывались въ старинныхъ Французскихъ парламентахъ нѣкоторые президенты, по круглой, черной бархашной шапкѣ, обложенной сверху широкимъ золотымъ галуномъ, кошерую они носили,

занимался ею какъ философъ, недостаточна была для обширности и дѣятельности его генія: разыскивалъ въ то же время вещи гораздо важнѣйшія и труднѣйшія (*), и размышлялъ о нихъ въ безмолвіи съ мудростию, пристойностию и справедливостию, которыя послѣ видны были въ его сочиненіяхъ.

Дядя его съ опцовской стороны, президентъ à Мортье, въ парламентѣ Бурдосскомъ, лишился единороднаго своего сына, оставилъ Г. Монтескье и имѣніе и чинъ свой,

3 Апрѣля 1716 принятъ онъ былъ членомъ Бурдосской академіи, которая только что основалась. Вкусъ къ музыкѣ и сочиненіямъ, только что пріятнымъ, были сначала причиною основанія оной. Монтескье основательно думалъ, что возражающееся рвеніе и дарованія его сочленовъ, могли бы, съ гораздо большею пользою, занимать физическими предметами. Онъ былъ увѣренъ, что природа, столь достойная быть наблюдаемою повсюду, находила также вездѣ глаза, достойные взирать на нее; напрошивъ чего, сочиненія, относящіяся

(*) Сочиненіе въ письмахъ, которыми онъ доказывалъ, что многіе идолопоклонники, казалось, не заслуживали вѣчнаго осужденія.

Х

единственно ко вкусу, не терпя посредственности, а столица, будучи въ этомъ родѣ, средоточіемъ просвѣщенія и вспомоществованія, очень трудно было собрать, въ отдаленіи отъ нее, доспашечное число отличныхъ талантовъ. Но счастію, герцогъ Форскій, основавъ въ Бурдо награжденія за рѣшеніе задачъ, способствовалъ столь основательному и благоразумному намѣренію. Разсудили, что хорошо произведенный опытъ будетъ гораздо лучше слабого разсужденія или дурной поэмы; и городъ Бурдо получилъ академію наукъ.

Моншескье, ни мало не спѣша показываться свѣту, казалось, ожидалъ, какъ говоритъ одинъ великаго ума человѣкъ, зрѣлыхъ лѣтъ, чтобы писать. Не прежде 1721 г., то есть, имѣя тридцать два года отъ роду, издалъ онъ *Персидскія письма* (*). Не смотря на успѣхъ, полученный симъ сочиненіемъ, Моншескье не объявилъ себя явно творцемъ онаго. Можетъ быть, симъ способомъ, думалъ онъ легче избѣжать отъ сатиры, которая шадитъ болѣе безвѣстныхъ сочиненія, пошому что нападаетъ всегда на творца, а не на швореніе. Можетъ

(*) Переведены на Россійскій языкъ два раза и напечатаны въ Спб.

быть также боялся онъ, что нападуть на мнимую противоположность Персидскихъ писемъ съ важностію его званія. Какъ бы то ни было, но тайна его была открыта, и публика назначала уже его членомъ Французской академіи, и не смотря на клевету, старавшуюся очернить Персидскія письма, онъ принятъ былъ 24 Генваря, 1728.

Новый академикъ былъ тѣмъ достойнѣе сего названія, что за нѣсколько времени до сего отказался онъ отъ всякаго другаго дѣла, чтобы совершенно предаться любимому своему упражненію. Какъ ни важно было занимаемое имъ мѣсто, и съ какимъ бы познаніемъ и праводушіемъ ни исполнялъ онъ должности онаго, онъ чувствовалъ, что были предметы достойнѣйшіе его занятія; что гражданинъ обязанъ своему народу и человѣчеству всемъ тѣмъ добромъ, которое онъ сдѣлать въ состояніи, и что онъ будетъ гораздо полезнѣе для того и другаго, еслии будетъ наставлятъ ихъ своими сочиненіями, нежели разбирая въ неизвѣстности какую-нибудь частную тяжбу. Все это заставило его продать свой чинъ; онъ пересталъ быть судьей и посвятилъ себя единственно наукамъ.

Но чтобы сочиненіями своими доставить пользу различнымъ народамъ, ему

XII

надобно было знать ихъ. Имянно для сего вознамѣрился онъ путешествовать. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы повсюду разсмотрѣвъ физическое и нравственное состояніе земли, изучиться законамъ и конституціи каждой изъ нихъ; познакомиться съ учеными людьми, писателями, славными художниками; а особливо опыскивать нѣхъ рѣдкихъ и необыкновенныхъ людей, коихъ знакомство замѣняеиногда многіе годы наблюденій и изысканій.

Съ симъ-то намѣреніемъ отправился онъ сперва въ Вѣну, откуда проѣхалъ онъ осмоирѣвъ Венгрію, Изъ Нѣмецкой земли переѣхалъ онъ въ Италію; былъ въ Венеціи, въ Римѣ, и во всѣхъ мѣстахъ сея любопытныя страны. Осмотрѣвъ послѣ Швейцарію, Нидерланды и Англію, гдѣ прожилъ онъ два года, наконецъ возвратился онъ въ свое отечество. Какъ онъ ничего не разсмапиривалъ съ возхищеніемъ предубѣжденнаго челоѣка, ни съ спрогосптію Цииника, то путешествіа его не вселили въ него оскорбительнаго презрѣнія ни къ чужестранцамъ, ни къ собственнй своей землѣ. Изъ наблюденій своихъ онъ вывелъ то слѣдствие, что по Германіи хорошо путешествовать, въ Италіи побытъ нѣсколько, въ Англіи размышлять, а во Франціи жить.

Окончивъ свое путешествіе, Монтезкье прожилъ два года въ Бредскомъ своемъ помѣстьѣ, гдѣ окончилъ швореніе свое *О притихахъ велигіа и упадка Римлянъ* (*), появившееся въ свѣтъ въ 1734.

Какую бы Монтезкье ни приобрѣлъ себѣ славу симъ послѣднимъ сочиненіемъ и тѣми, которыя онъ написалъ прежде, онъ только что проложилъ себѣ путь къ гораздо большему предпріятію, къ тому, которое должно имя его сдѣлать безсмертнымъ и почтеннымъ для будущихъ вѣковъ. Онъ давно уже составилъ начертаніе оному; занимался двадцать лѣтъ приведеніемъ его въ исполненіе, или, лучше сказать, онъ занимался онымъ во всю жизнь свою. Сперва онъ сдѣлался нѣкоторымъ образомъ чужестранцемъ въ собственномъ своемъ отечествѣ, дабы узнать его лучше; потомъ онъ проѣхалъ всю Европу, и внимательно замѣчая различные народы, въ ней обитающіе. Славный островъ, столь много гордящійся своими законами, и столь худо пользующійся оными, былъ для него только то, что нѣкогда для Ликурга островъ Критъ, гдѣ онъ умѣлъ научиться, не выхваляя всего. Наконецъ,

(*) Переведено на Россійскій языкъ и напечатано въ Спб.